

ЯЗЫК В ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ УЧЕНИИ В. И. ЛАМАНСКОГО

Алексей Валерьевич Малинов

Доктор философских наук,
профессор Санкт-Петербургского университета,
ассоциированный научный сотрудник
Социологического института — филиал ФНИСЦ РАН.
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

LANGUAGE IN POLITICAL AND GEOGRAPHICAL DOCTRINE OF V. I. LAMANSKY

Alexey V. Malinov

DSc in Philosophy,
Professor at St. Petersburg University,
Associate Researcher at the Sociological Institute of the FNISTS RAS.
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

В статье рассматривается учение о языке крупнейшего отечественного слависта второй половины XIX в. академика Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). Показано, что его концепция языка тесно связана со славянофильской философией и развивает принципы как славянофильской историософии, так и славянофильской философии языка. Отмечается, что Ламанский интегрировал учение о языке в свою политико-географическую концепцию (учение о трех цивилизационных мирах), в которой развитому литературному языку отводилась основная роль в формировании самобытных культур. Ламанский доказывал, что только русский язык может выступить объединяющим началом для народов греко-славянского мира. Славяне и другие народы греко-славянского мира должны принять его в качестве общего литературного, научного и дипломатического языка, иначе они будут ассимилированы более успешными в политическом и языковом отношении нациями. Согласно Ламанскому, наступает время, когда на смену борьбы государств приходит соперничество всемирно-исторических языков. Славяне, приняв русский язык, не только могут развивать свою культуру, но и, сделав русский язык всемирным, будут способны успешно конкурировать с другими народами. Приводятся мнения Ламанского о перспективах европейских языков, из которых удержать первенство может только английский язык.

The article deals with the doctrine of language proposed by outstanding Russian scholar of the second half of the XIXth century V.I. Lamansky (1833–1914). The author shows that Lamansky's conception of language was influenced by the Slavophile philosophy and represented a continuation of both Slavophile historiography and philosophy of language. It is noted that Lamansky included his doctrine of language into his political-geographical conception (the doctrine of the three worlds) which considered language as a key means of forming different specific cultures. Lamansky held that Russian language is only possible to become a unifying force for the nations of the Greek-Slavic world. The Slavs and other nations of the Greek-Slavic world should adopt it as common literary, scientific and diplomatic language, otherwise they will be assimilated by more successful in politics and literature nations. According to Lamansky, the time is coming when the struggle of the states is being replaced with the competition of the world-historical languages. Having adopted Russian, the Slavs not only are able to foster their culture, but also, having made Russian a world language, will be able to compete with the other nations. The article contains Lamansky's views concerning the perspective of the European languages among which English is only considered to keep primacy.

Ключевые слова: Ламанский, язык, геополитика, славянофильство, панславизм, философия истории, цивилизация.

Keywords: Lamansky, language, geopolitics, Slavophilism, Panславism, philosophy of history, civilization.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-2-104-123

Крупнейший отечественный славист академик Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) вошел в историю науки как создатель собственной научной школы, так называемой «исторической школы Ламанского». Благодаря его тридцатилетней преподавательской деятельности в Петербургском университете славистика перестала восприниматься в качестве исключительно филологической дисциплины. Исследования самого Ламанского и работы его учеников были посвящены преимущественно истории славянских народов, а один из них, Н. В. Ястребов, стал первым профессором славянской истории в Петербургском университете. В то же время Ламанский и его последователи не оставляли собственно филологических занятий. Сам ученый считал себя в большей степени историком и политическим мыслителем, чем филологом. Свой итоговый труд, трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), он относил к области политической географии. Своеобразным синтезом исторических и филологических занятий стало политико-

географическое учение Ламанского, в котором особое место отводилось цивилизационной роли языка.

Долгое время, особенно после фактического разгрома «школы Ламанского» в 1930-е гг., его наследие не изучалось. Реабилитации учения Ламанского мы обязаны в первую очередь трудам славистов Л. П. Лаптевой и М. А. Робинсона (Лаптева, 1997; Лаптева, 2005; Лаптева, 2014; Робинсон, 1986; Робинсон, 1997; Робинсон, 2014). В 2004 г. были защищены первые исторические диссертации, целиком посвященные Ламанскому (Данченко, 2004; Саприкина, 2004). В последнее время учение Ламанского привлекает историков русской политической мысли. В его работах видят начатки геополитики и предвосхищение идей евразийцев. В истории русской философии имя Ламанского менее известно, хотя его по праву можно поставить в один ряд с Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым. Более того, детальное изучение, вероятно, способно показать зависимость некоторых идей Н. Я. Данилевского от славистических исследований Ламанского. Изучение его творчества может существенно расширить исследовательский контекст русской философии, прежде всего обогатить методологию изучения славянофильского направления. В отличие от учения ранних славянофилов, концепция Ламанского отличалась большей конфронтационностью по отношению к Европе, обосновывала коренной исторический антагонизм России и Европы (Куприянов, 2018).

Долгая и плодотворная жизнь ученого сказалась на эволюции его взглядов на славянство: от романтического увлечения народностью до панславистских ожиданий и разочарования в идее славянского единства. Однако постоянной оставалась его вера в объединяющую роль русского языка, который должен стать общим научным, дипломатическим и литературным языком славян. Он неоднократно подчеркивал связь крепкой государственности с развитием языка, в частности с формированием единого литературного языка, считая корреляцию политических и языковых процессов проявлением «центростремительной силы» в народе. «У всех народов то племя, которого наречие достигает игемонии, первенства и преобладания, — уточнял Ламанский, — всегда бывает по преимуществу хранителем и носителем силы центростремительной, начала единения и общения» (Ламанский, 1865б: 26). Более того, языковое доминирование является предтечей политического сближения народов, а готовность славян пойти на такое сближение будет говорить о них как народе историческом, то есть готовым пожертвовать партикуляризмом ради единства и выработки самобытной культуры. Выбор русского языка в качестве общего научного, литературного и дипломатического зависит исключительно от самих славян. Россия может только развивать рус-

скую литературу и науку, делая их привлекательными для других славянских народов, но не навязывать русский язык. Как писал Ламанский: «Объединятся ли когда литературно все славяне, подобно древним грекам и латинам, племенам итальянским и немецким, — решит будущее. Мы знаем только, что объединить их и сделаться общеславянским языком может только язык русский. <...> В всяком случае, принятию русского языка за общеславянский, письменный и дипломатический, язык должно предшествовать укрепление в славянах уважения и сочувствия к России, развитие в них желания и потребности узнать Россию и русскую литературу, а этому преимущественно может способствовать энергическое проявление в русском обществе славянского самосознания и смелый, решительный выступ России на всемирное поприще, в качестве единственной державы славянской, имеющей своим историческим призванием охрану и защиту славянства от захватов, натиска и гнета иноплеменников» (Ламанский, 1867: 150). К сожалению, сетовал Ламанский, Россия не проявила полного сознания той роли, которая ей отведена в славянском мире, не действует в желательном направлении развития и распространения русской науки и литературы.

В отличие от других славянских народов у России есть все условия, чтобы разрабатывать самобытную культуру и добиваться всемирного признания русской науки и литературы. Большинство других славянских народов такой возможности лишены, и перед ними открыты два пути: отказаться от собственной культуры и быть ассимилированными более успешными европейцами или примкнуть к России, приняв русский язык и тем самым сохранив свою народность, возделывать общую славянскую цивилизацию. Национально-культурный эгоизм и историческое самодовольство для славян есть путь к историческому небытию и культурному ничтожеству. «Не все народы, — писал Ламанский, — достигают зрелости и мужества, высшей образованности необходимого ей органа, обще-литературного, богато-обработанного (здесь и далее так. — А. М.) языка. Младенчество же и юность, время процветания эпоса были у всех народов. <...> Эпический дух и язык непременно исчезают в народе с развитием в нем потребности к анализу, с появлением начатков науки и высшей гражданственности. И благо тому народу, который успевает приспособить свой язык и приладить свой быт к этим новым высшим потребностям, то есть образовать обще-литературный язык и сложиться в более или менее плотное государственное тело. <...> За исключением же русского народа, ни одно из племен славянских не в силах теперь создать собственными средствами и на собственном наречии такой богатой литературы, которая бы отвечала всем условиям современной науки и образованности и, следовательно, освободила бы их от зависимости и под-

чиненности чужим, сильнейшим племенам, имеющим государства и общий литературный язык» (Ламанский, 1865б: 48).

Слабость и малочисленность славян, за исключением русских, вынуждает их подчиняться политически более сильным народам и подпадать под влияние более плодотворных и успешных культур и литератур. Лишь принятие русского языка позволит им, сохранив свою народность, усваивать достижения мировой культуры и посредством русского языка знакомить другие народы с результатами своего культурного и научного творчества. Иначе славян ожидает либо культурная отсталость, либо принятие другого всемирного языка (помимо русского), означающее неизбежную культурную ассимиляцию. У большинства славянских народов борьба за национальный язык и так ведется в невыгодных условиях: они вынуждены усваивать язык государствообразующей нации. «Такие народы, — признавал Ламанский, — одним своим наречием довольствоваться не могут, а по причинам культурным и государственным должны в совершенстве владеть еще другим чужим языком. Этот второй их национальный и отечественный язык (в противоположность их домашнему, семейному и родному) есть их язык государственный и язык высшей образованности. Благодаря усвоению себе этого второго языка, малые народы, неспособные к созданию самостоятельного государства и самобытной образованности, становятся равноправными гражданами великих государств и деятельными вкладчиками всемирно-исторических литератур и культур» (Ламанский, 1879: 377). Отсутствие политической независимости и культурной самостоятельности не способствует и развитию своего народного языка, который могут использовать, как правило, только в быту. За пределами дома они вынуждены говорить на неславянских языках. «Все не-русские славяне без исключения, — писал Ламанский, — если сколько-нибудь примыкают к так называемой интеллигенции, принуждены быть, как говорилось у римлян, *bilingues* или *trilingues*. Не владея совершенно свободно, устно и письменно, одним или двумя иностранными языками, эти славяне не могут ни достичь сколько-нибудь высшего образования, ни употребить своих способностей на каком-нибудь поприще» (Ламанский, 1892: 66–67). Русский народ еще до конца не осознает той культурной роскоши, которой обладает, имея возможность изучать тот или иной иностранный язык исключительно для образовательных и культурных целей. «Только для славянина русского его родной, славянский язык есть вместе и язык культурный, и язык государственный», — заключал Ламанский (Ламанский, 1892: 68).

Однако скрепляющее значение в славянском мире принадлежит не только русскому языку, но и греческому, который связывает славян с наследием

Античности. Недаром еще в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) Ламанский предлагал изучать древнегреческий язык в средних учебных заведениях, а новогреческий язык и греческую историю с IV в. — в высших. Греческий язык обозначает единую для большинства славян культурную традицию, указывает на общее историческое прошлое. Однако будущее в славянском мире все же принадлежит не греческому языку, а русскому.

Неверно думать, полагал Ламанский, что распространение русского языка выгодно только русским. Он и так уже пользуется всеми преимуществами независимой государственности, предоставляющей возможности для развития самобытной образованности и культуры. Общий язык позволит славянам быстрее преодолеть расколотовость, ограничить эгоистические интересы, нивелировать взаимные притязания и предать забвению исторические обиды. «Народная раздробленность, — признавал Ламанский, — местный партикуляризм, племенная вражда и зависть, господство различных иноплеменных стихий у наших единоверцев и соплеменников, — все это вызывает и требует распространения у них языка русского, как общего и дипломатического и культурного органа, с усвоением которого они только и могут выйти из положения каких-то метисов, креолов романо-германского Запада или ингредиентов чужих племен, получают возможность кристаллизироваться и выступить перед Западом, как самобытный исторический тип, вполне ему равноправный» (Ламанский, 1869: 147). Без общего языка славяне не смогут проявить себя «как самобытный исторический тип», то есть стать историческим народом, культурная деятельность которого имеет общечеловеческое значение. Необходимо заметить, что понятием «культурный тип» Ламанский пользовался еще до публикации известной книги Н. Я. Данилевского, в частности в небольшом цикле статей «Непорешённый вопрос» (1868). Он настаивал, что без общего языка славяне не составят и единую нацию, а лишь останутся группой отдельных небольших народов. «Будет у мелких славянских племен один общий язык славянский, — отмечал Ламанский, — тогда явится и славянская национальность, правда раздробленная политически, но единая в общей образованности, науке и высшей литературе» (Ламанский, 1869: 147–148). Принятие общего языка дает перспективы и для преодоления политической раздробленности, о которой сетует Ламанский.

Впрочем, обретение политической независимости славянскими народами — цель вполне достижимая. Однако что она дает славянам? Семь или восемь маленьких славянских политических наций никогда не будут в полной мере самостоятельными, а в культурном отношении плодотворными. Ламанский же мечтает о том, чтобы славяне стали реальным, полноправным

субъектом исторического процесса, а для этого необходимо, чтобы они «сложились в один всемирно-исторический народ». «Славянские разновидности могут — идут к тому, чтобы — сложиться в один всемирно-исторический вид, ибо кроме русского языка, ни одно из восьми наречий славянских с своими словесностями не может избавить эти восемь славянских народностей от жалкого, зависимого положения от иноплеменных влияний», — заключал он (Ламанский, 1865б: 91). Пока не будет решен языковой вопрос, любые рассуждения о политических перспективах славян лишены смысла. Точнее, вне общего языка славянам уготована политическая раздробленность, ослабляемая взаимными претензиями и культурной изоляцией. «Все же толки о славянских федерациях, — писал Ламанский, — без предварительного решения вопроса об общем славянском языке, принадлежат к величайшим бессмыслицам. От нас требуется много энергии, сильного напряжения духа, чтобы добровольное принятие нашего языка славянами за обще-славянский язык сделалось для них внутреннею, нравственную необходимостью. Для этого нужно, чтобы русский язык стал носителем великих начал любви и свободы, необходимым деятелем обще-человеческого просвещения» (Ламанский, 1865б: 92). Среди славянских литератур в конце XIX в. только русская литература и русский язык могут претендовать на объединяющую роль в славянском мире. Однако уровень культурного самосознания русского общества и политического сознания правящей элиты еще не соответствует той исторической задаче, которая стоит перед русским языком.

Вера в объединяющую роль русского языка сложилась у Ламанского довольно рано под влиянием как славянофильско-романтических увлечений, так и немецкой филологической науки. По крайней мере, уже в своих первых самостоятельных работах он в общих чертах формулировал эту идею. Первая же поездка по славянским землям (1862–1864) укрепила его веру, которая приобрела силу практического убеждения. 7 (19) августа 1862 г. он писал родителям из Будины: «Здесь в Венгрии, кстати сказать, нет ни одного мало-мальски образованного славянина, который бы не был убежден в том, что русский язык должен быть общим, письменным языком для всех народов Славянских» (СПбФ АРАН: 35об.–35). Среди славянской интеллигенции, с которой он общался, Ламанский увидел встречное стремление изучать русский язык. Так, 8 (20) марта 1863 г. он вновь писал из Вены родителям: «Хотя братцы славяне отучили меня совершенно от всякой антипатии к немцам, но я немцев все таки знакомых не имею, и потому по-немецки говорю только с лакеями и магазинщиками, очень мало и редко. Потому, мне кажется, я говорю по-немецки теперь так же бойко, свободно и правильно, как и до поездки за границу. Здесь, в Вене, даже на слав[янских] языках приходится мало

говорить. Все мои знакомые говорят по-русски, с малыми исключениями. Я, конечно, об этом не жалею, ибо, не выдавши славян, я робко думал, что русский язык должен со временем стать общим литературным, общественным и дипломатическим языком для всех славян, а теперь для меня ясно как день, что иначе из славян и выйти ничего не может; ибо представьте себе наших чухон, кореляков, грузин, киргизов и башкир образованными. Все они говорят по-русски, как русские. Так здесь все славяне развитых племен говорят по-немецки же. Они пишут по-немецки так, как очень немногие из наших немцев. Последнее время немцы без толку притесняли и дразнили славян, теперь перестают и для себя делают очень умно. Славяне так скорее могут быть онемечены, потому что с своими 8 языками и литературами им и думать нельзя тягаться с немцами. Славяне поумнее, кроме поляков, начинают понимать, что надо обратиться к русскому языку» (СПбФ АРАН: 53).

Ламанского легко упрекнуть в русификаторстве и экспансионизме, хотя ученый специально подчеркивал, что в русском языке нуждаются сами южные и западные славяне. Без опоры на русский славянство не выработает самобытной культуры и, соответственно, не сможет считаться народом историческим. За тенденцией к распространению русского языка часто видят политические притязания России; однако, полагал Ламанский, вопрос о русском языке носит не столько политический, сколько культурный характер, поскольку от ответа на него зависят и цивилизационные приоритеты славянства, и сама способность к творческому развитию, самостоятельной культурной деятельности славян. Альтернативой принятию русского языка будет ассимиляция, денационализация, а затем и историческое небытие. Вопрос о русском языке — это вопрос о том, насколько зрелым является национально-культурное самосознание. Положительный ответ будет означать готовность добровольно принять русский язык и признать его общим — литературным, научным и дипломатическим: «Для принятия славянами русского языка дипломатическим языком и общим органом высшей образованности, прежде всего, потребно их добровольное согласие, ибо о насильственном распространении не может быть и речи», — заключал Ламанский (Ламанский, 1865б: 91).

К сожалению, сетовал Ламанский, и русское общество еще не стоит вровень с той исторической задачей, которую призвано исполнить. Усиление государства и даже имперская идея, унаследованная от Византии, не самоцель. Задача — поддержать другие славянские народы в борьбе за политическую независимость и стать опорой славян в историческом и культурном развитии. В настоящее время, полагал Ламанский, только русский народ способен к подлинному самобытному культурному развитию. Другие славяне вынуж-

дены ориентироваться на более продуктивные в культурном отношении и более крупные народы. Встать на путь самостоятельной активности славянство может, лишь обладая общим инструментом культурной деятельности — русским языком:

«Что славянский мир может выйти из своего нынешнего жалкого, служебного и рабского положения не иначе, как самостоятельным развитием оригинальной славянской образованности, что никакого сильного, мощного развития не могут достичь ни в искусстве, ни тем более в науках, 9 маленьких литератур, обрабатываемых народами, которые в совокупности не составляют и полных тридцать миллионов (так. — А. М.) — в этом не может быть ни малейшего сомнения, точно так же, как и в том, что русский язык и литература в своем дальнейшем развитии должны достичь колоссальных размеров. В виду этих двух фактов — малочисленности, внешней и внутренней слабости 9 славянских народностей вне России, и многочисленности, внешней и внутренней силы нашего народа, мы, русские, не можем не верить в будущность русского языка, как общего литературного языка для всех славян. Чем более мы будем узнавать славян, тем яснее будет представляться нам необходимость и неизбежность такого исхода. Вместо всяких грез и мечтаний, на славянский манер, о значении и последствиях такого явления, которое во всяком случае лежит в довольно далеком будущем, мы, русские, обязаны усердно изучать все народности славянские в их прошедшем и настоящем, знакомиться со всеми господствующими у них направлениями и заботиться о распространении русского языка вне пределов России, об устройстве правильных книжных сношений с разными землями славянскими» (Ламанский, 1864: 689–690).

Одним из средств подъема общественного самосознания и формирования взаимного интереса у славян служит славяноведение. Разработка славяноведческих дисциплин влечет и расширение использования в науке русского языка, а значит, и исполнения Россией своего исторического призвания. «Вообще, — замечал историк, — объединение племен, не только политическое, но и литературное, всегда происходит очень медленно» (Ламанский, 1865б: 20–21). В этом контексте он приводил примеры из истории Древней Греции, Италии, современной Франции. Один из учеников Ламанского, А. С. Будилович, посвятил вопросу образования общих литературных языков специальное историко-лингвистическое исследование (Будилович, 1892а; Будилович, 1892б).

При планомерной работе и развитии не только культурных, но и экономических связей, полагал Ламанский, в течение 25–30 лет, то есть в течение жизни одного поколения, можно изменить отношение к русскому языку в

славянских землях. «Привязанность различных племен славянских к своим родным наречиям и местным писателям заслуживает всякого почтения и уважения. Но ее разумные основания и деятельность не потерпят никакого ущерба с признанием игемонии русского языка. <...> С увеличением железных дорог, с расширением торговых и литературных связей русских со славянами, с успехами русской гражданственности и литературы, можно смело надеяться, что к концу нашего столетия, каждый образованный южный или западный славянин будет вменять себе в обязанность точное знание русского языка» (Ламанский, 1865б: 21). Одни лишь призывы и активность славянофильски настроенной интеллигенции мало помогут распространению русского языка. Здесь нужна поддержка государства и всего общества, пробуждение славянского самосознания у интеллигенции славянских народов и встречное движение с их стороны. Более того, Ламанский полагал, что на смену военно-политическому противостоянию приходит борьба цивилизационных начал.

В то же время и русская литература, хотя и несравнимая по распространенности и значению с литературой других славянских народов, еще не в полной мере проявила общечеловеческое значение, не до конца раскрыла богатство своего гуманистического содержания. Так, в магистерской диссертации есть строки: «Едва ли теперь не время нам убедиться и сознаться, что слабое поныне распространение русского языка вне пределов России, имеет главнейшею своею причиною не недоброжелательство к нам европейцев, а ничтожное в нас, русских, развитие производительности и самостоятельности. Говоря вообще, не потому русских сочинений не читают и не переводят на западе, что не хотят: а и хотели бы иногда, да нечего!» (Ламанский, 1859: 114).

Эти слова были написаны в конце 50-х гг. XIX в. Ламанскому суждено было прожить еще более полувека. Он мог видеть и осознать успехи русской науки и культуры. Однако это не поколебало его главного убеждения: любые культурные достижения возможны только на народной почве. Русская же культура, как и государство, и поныне не избавились от подражательности, не обрели уверенности в своих силах. Ламанский также был убежден, что только крупная государственная форма может стать залогом творческого развития народа. Вне сильного государства не возникнет и сильная культура. На что в этой ситуации способны малочисленные и лишенные государственности славянские народности? «Явление известных великих дарований в той или другой стране вовсе не так случайно, как то может казаться взгляду поверхностному. Для них всегда нужна известная подготовка — богатая народная почва, хорошее историческое возделывание.

Странно бы было, например, ожидать когда-либо от Лифляндии не только Шекспиров, но и Пушкиных, Мицкевичей, Гоголей, Аристофана от острова Эзеля или Сервантеса от Курляндии», — иронизировал он (Ламанский, 1859: 114–115).

Распространение русского языка в славянских землях имеет значение не только культурное или даже политическое, подготавливая сближение славян, но, прежде всего, цивилизационное и даже геополитическое. Ламанский, пожалуй, первый осознал геополитическую роль русского языка. На смену соперничества государств и народов, полагал он, приходит противостояние цивилизаций, проявляющееся в борьбе главных проводников цивилизации — языков. Теперь имеет смысл говорить уже не о всемирно-исторических народах, а о всемирно-исторических языках, объединяющих различные народы и регионы в цивилизационную целостность.

С этой точки зрения Ламанский рассматривал судьбу европейских языков и русского. В современной Европе французский, итальянский и испанский (три романских языка) и английский и немецкий (два германских) «достигли более или менее значения всемирно-исторического» (Ламанский, 1871: 48). Иная ситуация сложилась в Восточной Европе и в целом греко-славянском мире. Народы, обладающие богатой культурной традицией, например греки, грузины, армяне, ныне малочисленны и слабы в политическом и культурном отношении, поэтому не могут составить конкуренцию русскому. «В нашем мире, — заключал Ламанский, — ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных инородцев, орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский» (Ламанский, 1871: 49). На просторах Восточной Европы и Северной Азии только русский язык может взять на себя цивилизационную роль объединения и общения народов греко-славянского мира, а следовательно, и приобрести всемирно-историческое значение.

Ламанского нередко зачисляют в последователи литературного панславизма. При всей верности такой характеристики необходимо учитывать масштабность его замысла. Панславистские теории (австрийский панславизм, иллирийская теория Л. Гая, Й. Ю. Штросмайера и Ф. Рачкого, чешская теория панславизма Ф. Палацкого, К. Гавличка и Ф.-Л. Ригера) представляли собой разновидности романтического увлечения народностью. Они сыграли свою роль в оживлении национальных литератур, в подъеме национального самосознания, инициации исторических и этнографических исследований. Одна-

ко распространение русского языка — задача не литературная, а цивилизационная. «Настоящее распространение русского языка у южных и западных славян, — отмечал Ламанский в своей первой лекции в университете, — стало возможно только после пробуждения их народностей и, следовательно, после образования или возрождения всех славянских наречий и словесностей. Его утверждение, как языка дипломатического и органа высшей образованности у всех племен славянских, не только не угрожает дальнейшему развитию их особых наречий, но даже обеспечивает их будущее, ибо есть единственное средство, которым эти племена могут освободиться от преобладания и господства у них языков иноплеменных» (Ламанский, 1865а: 27 прим.). Распространение русского языка в качестве общеславянского является следующим шагом после пробуждения славянского сознания. Оно имеет последствия политические и цивилизационные.

Общий язык в греко-славянском мире будет способствовать развитию науки и литературы, знакомство с которыми станет настоящей потребностью всякого образованного человека. Русский как язык самобытной цивилизации — греко-славянского мира — войдет в число всемирно-исторических языков. «Со временем, — писал Ламанский в работе о М. В. Ломоносове, — знание русского языка станет обязательным для каждого европейца, как теперь знание французского, английского и немецкого языков. Русская академия наук, как и все ученые учреждения в России, должна быть одушевлена этим благородным и высоким стремлением русского общества и народа к мирному и свободному (не насильственному) распространению русского языка вне пределов России» (Ламанский, 1865в: 8–9). Упоминание в цитате Академии наук не случайно. Оно указывает на то, что сама русская наука использует немецкий язык. Ламанский был активным сторонником русификации Академии.

В 1860-е гг. Ламанский полагал, что распространение русского в славянских землях начнется через словаков и Карпатскую (Угорскую) Русь. Именно словацкие ученые впервые высказали мысль, что русский должен стать общеславянским. В предисловии к изданию работы словацкого панслависта Л. Штура «Славянство и мир будущего» Ламанский писал: «Если русскому языку действительно суждено быть обще-славянским дипломатическим языком, то его распространение у славян произойдет преимущественно через Угорскую Русь и словаков» (Штур, 1867: VI). В эти же годы Ламанский серьезно задумывался о переезде в Угорщину, надеясь на практическое осуществление своих замыслов по распространению русского языка. Не в политике, а в литературной деятельности видел он призвание русской национальной интеллигенции. «Распространение русского языка и русской литературы

за границей есть конечно один из высших интересов русского народа», — отмечал он (Ламанский, 1887: 482). «Но одна политика в жизни народов, — писал Ламанский в книге «Три мира Азийско-Европейского материка», — далеко не первой важности дело. Ее значение в истории скорее второстепенное или третьестепенное» (Ламанский, 1892: 98).

Однако не только в славянских землях русский язык способен укрепить свое влияние. На окраинах Российской империи он также требует поддержки, поскольку служит средством коммуникации и развития образованности среди инородцев. «Свобода мысли и устного и печатного слова, распространение грамотности в народе и знания русского языка у инородцев, утверждение его государственного значения во всех окраинах России, — писал Ламанский в статье «Непорешённый вопрос», — все это принадлежит к важнейшим задачам русской внутренней политики и вместе составляет различные стороны одного и того же вопроса о важнейших правах и задачах русского языка» (Ламанский, 1869: 161). В приведенной цитате Ламанский воспроизводит славянофильское требование свободы слова, увязывая его с успехами русского языка и литературы.

В «Лекциях по славянским наречиям» Ламанский писал: «В нашем мире нет национальности и образованности, нет языка, которые бы могли оспаривать первенство у русской национальности и образованности, у русского языка» (Ламанский, б. г.: 58–59). Вопрос о перспективах русского языка в греко-славянском мире для него становился вполне выясненным. Для самого же Среднего мира (Ламанский использовал «греко-славянский мир» и «Средний мир» как синонимы) преобладание русского языка будет означать победу центростремительных сил над центробежными. Русский язык способен внести в славянский мир единство и преодолеть вековое политическое дробление на западе и юге. «В этом отношении, — замечал Ламанский, — есть параллель между развитием литературным и развитием историко-политическим, т. е. как литературное развитие привело к тому, что на Западе индивидуализировались небольшие славянские словесности, т. е. что их язык ограничился небольшою площадью, так и историко-политическое развитие привело к образованию маленьких и слабых государственных территорий. Таким образом, в продолжение слишком тысячелетия раскрываются два явления, обратно противоположные. Они совершаются не только в наречиях и письменности, но и в жизни политической. С одной стороны, история сплачивает, объединяет, централизует (громадное Русское государство), с другой, — раскалывает, разъединяет (западные и южные славянские государства)» (Там же: 60–61). Политические и языковые процессы, как показывает Ламанский, связаны между собой.

Более того, в современном мире язык становится геополитической силой, значение которой Ламанский объясняет действием исторического закона. «Существует выработанный историей с помощью наблюдений закон, — писал он, — что чем отдаленнее друг от друга, чем разнообразнее и различнее земли и народности, между которыми ощущается потребность в усвоении известного чужого языка, тем этот язык приобретает значение всеобщего и мирового языка. Этот мировой характер языка зависит не от того, что, например, каждый испанец лучше француза и англичанина, или каждый русский лучше словинца, чеха или немца. Нет. Это вырабатывается силами независимыми от личной воли человека, именно: географическими условиями, площадью страны, количеством душ, чувствующих потребность в усвоении известного языка, и тем, сколько пустого еще пространства находится в обладании известного народа, т. е. сколько условий для развития языка» (Там же: 62). «Распространение русского языка есть распространение русской мысли, русского влияния», — уточнял он в «Чтениях о славянской истории» (Ламанский, 1867: 152).

Успехи русского языка во многом зависят от внутреннего развития страны и самого русского общества. Реформы начала царствования Александра II вселяли в него уверенность, что внутренние преобразования отразятся и во внешней политике, важнейшим фактором которой в Центральной и Южной Европе может стать русский язык. В первой своей лекции Ламанский провозглашал: «В самой России знамения новой, наступающей исторической эпохи выражаются еще очевиднее. Освобождение с землею 20 слишком миллионов крестьян, различные внутренние преобразования, открывающие простор народной, земской деятельности, убедительно нам предсказывают, что русская литература, наука, искусство, вообще русское просвещение не замедлит вступить в новый, высший и разумеется уже вполне самобытный период развития. Русская литература не только станет чисто национальной, славянской, но и приобретет всемирно-историческое значение. Русский язык начнет распространяться вне пределов Русского государства, подобно древним языкам эллинскому и римскому, и новейшим немецкому, французскому и английскому. По всей вероятности он сделается дипломатическим языком и органом высшей образованности у всех славянских племен. Только русский язык может вытеснить нынешнее господство немецкого и других иноплеменных языков в южных и западных землях славянских» (Ламанский, 1865а: 7–8). В этом смысле учение Ламанского противостоит панславистским учениям Гая, Палацкого и др., поскольку указывает на русский язык как основу славянского общения и взаимности. Политика одновременно и выступает средством распростра-

нения языка, и сама испытывает поддержку языка, способствующего политическому сближению.

Русский язык в качестве средства общения и развития науки и литературы способен перекроить политическую карту Европы, превратить разрозненные племена в цивилизационную целостность, то есть создать из народных осколков политическое и культурное единство, которое с успехом может противостоять романо-германской гегемонии. Рассуждая о геополитических перспективах единого славянского языка, Ламанский писал: «Природные богатства невозделанных и малонаселенных южных земель Греко-Славянских не утратили своей прелести для Романо-Германского запада <...> Теперь останавливает Европу небывалое прежде явление могущественной державы Греко-Славянской. Романо-германцев не пугает мысль о завоевании Россией этих земель: это только ослабило бы ее. Их смущает и страшит уверенность, что с легким принятием русского языка за язык дипломатический и общелитературный эти рассыпающиеся, не сплоченные обломки получат возможность кристаллизироваться и из ингредиентов чужих племен станут наконец живою, органическою частью нового исторического мира с его особливим призванием. Такая уверенность Европы, принося великую честь ее прозорливости, предлагает замечательное объективное доказательство действительной возможности, внутренней необходимости и громадной важности искусственного, смешанного письменного и культурного обще-славянского языка» (Ламанский, 1869: 132). Политическое объединение Греко-Славянского мира, конечно, возможно только при посредстве русского народа — единственного народа Среднего мира, имеющего свое государство. Однако для Ламанского языковое сближение было предпочтительнее формирования единого государства, по крайней мере, до тех пор, пока потребность в таком государстве не будет осознана самими народами Среднего мира.

Цивилизационное единство откроет новые перспективы перед русской культурой, обогатит искусство и литературу новыми мотивами, сюжетами и выразительными возможностями. «С обличением славянского призвания России, великого будущего, ожидающего наше слово, и его далекого не чуждого самим Пушкиным распространения, русское искусство обретет себе давно искомые положительные идеалы и смело вступит на широкий, царский путь всемирно-исторического развития», — полагал Ламанский (Ламанский, 1867: 122). Впрочем, в докторской диссертации 1871 г. он отмечал, что уже и в тот момент русский язык был способен эффективно отстаивать интересы не только русского народа, но и всего греко-славянского мира. По его словам, «в настоящее время при всей великой скудости населения Русской империи, при слабом развитии русской гражданственности, науки и

литературы, наш язык все-таки вместе с англо-саксонским есть один из самых распространенных языков земного шара и не менее англо-саксонского может хвалиться богатым будущим» (Ламанский, 1871: 38).

Залог успеха распространения русского языка Ламанский видел и в истории греко-славянского мира, поскольку принятие русского языка лишь восстанавливает языковое единство, существовавшее со времени св. Кирилла и Мефодия. Русский язык выступил наследником греческого и общеславянского письменного языка, созданного св. Кириллом и Мефодием. Ни один другой язык народов, населяющих Средний мир, не может взять на себя такую роль.

В западной Европе ведут конкурентную борьбу французский, испанский, итальянский, немецкий и английский. Однако исход этой борьбы, полагал Ламанский, предрешен. В будущем значение немецкого и французского сохранится лишь в Европе, в то время как значение испанского языка, а особенно английского благодаря обширным колониям будет постоянно возрастать. За этими языками — историческое будущее. Возможно, делал предположение русский ученый, со временем даже южноамериканские колонии испанцев перейдут под власть англосаксов (Ламанский, 1892: 34). Лидерство английского языка в Америке постепенно приведет к тому, что в Новый Свет переместится центр западного мира. Старая культура европейских народов уступит первенство Америке. «Между тем англо-саксонская речь и национальность, — писал Ламанский, — располагая громадным пространством пустопорожних земель, может и будет неудержимо распространяться и множиться до размеров едва ныне предвидимых, постоянно обновляясь и освежаясь до бесконечного почти разнообразия самыми разноплеменными и разнокультурными элементами. Естественно поэтому предполагать, что в будущем английская литература и образованность <...> будет отличаться наибольшим разнообразием, свежестью и сочностью содержания, широтой и самобытностью воззрений, большею чуткостью к потребностям человечества, большею универсальностью идей и стремлений. Таким образом, есть полная вероятность заключать, что Европа не может навеки, говоря относительно даже едва ли надолго, сохранить свое первостепенное значение в мировой политике и образованности. Вследствие неудержимого размножения англо-саксов в Новом Свете, от естественного прироста и от переселений из Европы, все прочие романские и германские национальности и языки Старого Света принуждены будут ранее или позже снизойти до речи второстепенных деятелей в мире романо-германском» (Ламанский, 1892: 37–38).

Мировое господство английского языка не является следствием его исключительных потенций или богатства литературы, с которой успешно конку-

рирует романоязычная словесность. Преобладание английского обеспечено колониальной системой Британской империи. «Таким образом, — заключал Ламанский, — английский язык распространен на всем земном шаре, и можно сказать, что рано или поздно английский язык приобретет всемирное значение, и значение всех других языков в сравнении с ним станет ничтожным» (Ламанский, б. г.: 25). Аналогичное всемирно-историческое значение должен приобрести и русский язык, став общим литературным и дипломатическим языком греко-славянского мира.

Разработка Ламанским оригинального геополитического учения о языке не кажется неожиданной, если вспомнить, что по образованию и роду занятий он — филолог-славист. Его славянофильские взгляды могли лишь усилить интерес к языку, поскольку славянофильство было «одним из самых “филологичных” общественных движений» (Безлепкин, 2017: 156). По значению для русской словесности со славянофилами среди философских школ могут конкурировать, пожалуй, только символисты. Другая важнейшая тема для славянофилов — философия истории. А. С. Хомяков, как известно, предлагал деление истории по племенам, государствам и верам, отдавая предпочтение в своих исследованиях духовной стороне жизни, то есть вере. Ламанский, со своей стороны, предлагает альтернативный взгляд на историю, усматривая в ней борьбу всемирно-исторических языков. Язык для него не является только «знаковой системой» или средством коммуникации, но выражает «дух народа», лежит в основании культуры, а потому и может рассматриваться как культуuroобразующая сила. В целом, несмотря на критические выпады, Ламанский ориентировался на немецкую науку, в частности на учение В. фон Гумбольдта о языке (Куприянов, 2016). Не оставлял он и практических попыток или, по крайней мере, пропаганды распространения русского языка среди славянских народов, чему служила его активная деятельность в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе. В его геополитическом учении о языке, таким образом, сходятся основные направления славянофильской мысли: историософия и философия языка.

Литература

- Безлепкин Н. И. (2017). Лингвофилософия К. С. Аксакова // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии Вып. 2. С. 155–168.
- Будилович А. С. (1892а). Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 1. Варшава: В Типографии Марии Земкевич.
- Будилович А. С. (1892б). Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 2. Варшава: В Типографии Марии Земкевич.
- Данченко Е. В. (2004). Научная деятельность, исторические и общественно-политические взгляды В.И. Ламанского. Дис. <...> к. и. н. М.
- Куприянов В. А. (2018). Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А. С. Хомяков и В. И. Ламанский) // Соловьевские исследования. № 2 (58). С. 21–33.
- Куприянов В. А. (2016). Структура Европы в философско-историческом учении В. И. Ламанского // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 28. С. 213–220.
- Ламанский В. И. (1865а). Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М.: В типографии Бахметьева.
- Ламанский В. И. (1879). Евреи и немцы в Привислянском крае // Русский вестник. Март. С. 371–421.
- Ламанский В. И. (1864). Из записок о славянских землях. Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Отечественные записки. Т. 152. С. 649–702.
- Ламанский В. И. (1859). Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб.: В типографии Императорской Академии наук.
- Ламанский В. И. (б. г.) Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В. И. Ламанским за 1880–1881 акад. год. [СПб.:] Литография Гробовой.
- Ламанский В. И. (1865б). Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: В типографии А.А. Краевского.
- Ламанский В. И. (1869) Непорешенный вопрос. Статья I. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка // Журнал министерства народного просвещения. Ч. СХLI. С. 122–163.
- Ламанский В. И. (1871). Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: типография Майкова.
- Ламанский В. И. (1887). Русский язык вместо немецкого, славянское богослужение вместо латинского // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. № 10. С. 479–488.
- Ламанский В. И. (1865в). Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865. СПб.: типография Куколь-Яснопольского.
- Ламанский В. И. (1892). Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: Типо-хромолитография А. Траншеля.

- Ламанский В. И.* (1867). Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Часть I. Изучение Славянства и Русское народное самосознание // Журнал министерства народного просвещения. Ч. СXXXIII. С. 116–153.
- Лаптева Л. П.* (1997). В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX вв. // Славянский вопрос: Вехи истории. Москва: Институт славяноведения РАН. С. 118–129.
- Лаптева Л. П.* (2014). Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) // Славянский мир в третьем тысячелетии: Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. Москва: Институт славяноведения РАН. С. 47–59.
- Лаптева Л. П.* (2005). История славяноведения в России в XIX веке. Москва: Индрик.
- Робинсон М. А.* (1997). В. И. Ламанский и его трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах. 1996. Москва: Индрик.
- Робинсон М. А.* (2014). В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // Славянский альманах. С. 136–151.
- Робинсон М. А.* (1986). Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука. С. 91–112. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.
- Саприкина О. В.* (2004). В. И. Ламанский: научное наследие и деятельность. Дис. <...> к. и. н. М.
- Штур Л.* (1867) Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Январь-март. Книга Первая. С. 1–191.

References

- Bezlepkin N.* (2017) Lingvofilosofiya K. S. Aksakova // Filosofskij polilog. Vyp. 2. S. 155–168.
- Budilovich A. S.* (1892a). Slavyanskij yazyk v ryadu drugih obshchih yazykov drevnej i novoj Evropy. T. 1. Varshava: V Tipografii Marii Zemkevich.
- Budilovich A. S.* (1892b). Slavyanskij yazyk v ryadu drugih obshchih yazykov drevnej i novoj Evropy. T. 2. Varshava: V Tipografii Marii Zemkevich.
- Danchenko E. V.* (2004). Nauchna deyatel'nost', istoricheskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady V.I. Lamanskogo. Dis. <...> k. i. n. M.
- Kupriyanov V. A.* (2018). Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A. S. Homyakov i V. I. Lamanskij) // Solov'evskie issledovaniya. № 2 (58). S. 21–33.
- Kupriyanov V. A.* (2016). Struktura Evropy v filosofsko-istoricheskom uchenii V. I. Lamanskogo // Veche. Zhurnal russoj filosofii i kul'tury. Vyp. 28. S. 213–220.
- Lamanskij V. I.* (1865). Vstupitel'noe chtenie docenta Peterburgskogo universiteta V. I. Lamanskogo. M.: V tipografii Bahmet'eva.
- Lamanskij V. I.* (1879). Evrei i nemcy v Privislyanskom krae // Russkij vestnik. Mart. S. 371–421.

- Lamanskij V. I.* (1864). Iz zapisok o slavyanskih zemlyah. Serbiya i yuzhno-slavyanskiye provincii Avstrii // Otechestvennyye zapiski. T. 152. S. 649–702.
- Lamanskij V. I.* (1859). Istoricheskie zamechaniya k sochineniyu «O slavyanah v Maloj Azii, v Afrike i v Ispanii». SPb.: V tipografii Imperatorskoj Akademii nauk.
- Lamanskij V. I.* (B. g.). Lekcii po slavyanskim narechiyam, chitannye professorom S.-Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskim za 1880–81 akad. god [SPb.:] Litografiya Grobovoj.
- Lamanskij V. I.* (1865). Nacional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskom i literaturnom otnosheniyah. SPb.: V tipografii A. A. Kraevskogo.
- Lamanskij V. I.* (1869). Neporeshennyj vopros. Stat'ya I. Ob istoricheskom obrazovanii drevnego slavyanskogo i russkogo yazyka // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. CH. CXLI. S. 122–163.
- Lamanskij V. I.* (1871). Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope. SPb.: tipografiya Majkova.
- Lamanskij V. I.* (1887). Russkij yazyk vmesto nemeckogo, slavyanskoe bogoslužhenie vmesto latinskogo // Izvestiya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva. № 10. S. 479–488.
- Lamanskij V. I.* (1865). Stoletnyaya pamyat' Mihailu Vasil'evichu Lomonosovu. 4 aprelya 1865. SPb.: tiografiya Kukol'-Yasnopol'skogo.
- Lamanskij V. I.* (1892). Tri mira Azijsko-Evropejskogo materika. SPb.: Tipo-hromo-litografiya A. Transhelya.
- Lamanskij V. I.* (1867). CHteniya o slavyanskoj istorii v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. CHast' I. Izuchenie Slavyanstva i Russkoe narodnoe samosoznanie // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. CH. CXXXIII. S. 116–153.
- Lapteva L. P.* (1997). V. I. Lamanskij i slavyanskaya tema v russkih zhurnalakh rubezha XIX– XX vv. // Slavyanskij vopros: Vekhi istorii. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN. S. 118–129.
- Lapteva L. P.* (2014). Vladimir Ivanovich Lamanskij (1833–1914) (K stoletnej konchine znamenitogo slavista) // Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii: Chelovek, obshchestvo, narod v istorii, yazyke i kul'ture. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN. S. 47–59.
- Lapteva L. P.* (2005). Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke. Moskva: Indrik.
- Robinson M. A.* (1997). V. I. Lamanskij i ego traktat «Tri mira Azijsko-Evropejskogo materika» // Slavyanskij al'manah. 1996. Moskva: Indrik.
- Robinson M. A.* (2014). V. I. Lamanskij, ego vzglyady na razvitie slavyanovedeniya, mneniya o nem uchenikov i kolleg // Slavyanskij al'manah. S. 136–151.
- Robinson M. A.* (1986). Metodologicheskie voprosy v trudah russkih slavyanovedov konca XIX — nachala XX v. (V. I. Lamanskij, P. A. Kulakovskij, K. YA. Grot) // Istoriografiya i istochnikovedenie stran Central'noj i YUgo-Vostochnoj Evropy. M.: Nauka. S. 91–112.
- Sankt-Peterburgskij filial arhiva RAN (SPbF ARAN). F. 35. Op. 1. Ed. hr. 44.
- Saprikina O. V.* (2004). V. I. Lamanskij: nauchnoe nasledie i deyatelnost'. Dis. <...> k. i. n. M.
- Shtur L.* (1867). Slavyanstvo i mir budushchego. Poslanie slavyanam s beregov Dunaya // CHteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete. Yanvar'-mart. Kniga Pervaya. S. 1–191.